

Этический «поворот» в эпистемологии

Е.Л. Черткова

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 31.08.23

В окончательном варианте: 19.10.23

■ Для цитирования: Черткова Е.Л. Этический «поворот» в эпистемологии // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.14>

Аннотация. Работа посвящена вопросу расширения проблемного поля эпистемологии и переосмысления ее фундаментальных понятий в свете учета человеческой субъективности. Рассматриваются место и роль философской эпистемологии в комплексе современных исследований познания, ее характеристики: направленность на поиск взаимосвязи когнитивного и этического смыслов познания, соотнесенность эпистемологических проблем и экзистенциальных вопросов бытия человека. Обосновывается отличие рациональности гуманистической от технократической.

Ключевые слова: философская эпистемология; гуманистическая и технократическая рациональность; истина; долг; совесть.

An ethical «turn» in epistemology

E.L. Chertkova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Original article submitted: 31.08.23

Revision submitted: 19.10.23

■ For citation: Chertkova E.L. An ethical «turn» in epistemology. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):93–100. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.14>

Abstract. The work is devoted to the issue of expanding the problematic field of epistemology and rethinking its fundamental concepts in the light of human subjectivity. The place and role of philosophical epistemology in the complex of modern studies of cognition, its characteristics are considered: the focus on finding the relationship between the cognitive and ethical meanings of cognition, the correlation of epistemological problems and existential issues of human existence. The difference between humanistic and technocratic rationality is substantiated.

Keywords: philosophical epistemology; humanistic and technocratic rationality; truth; duty; conscience.

О профессоре В.Н. Борисове я слышала от своего коллеги по сектору теории познания М.А. Розова и читала о нем в его воспоминаниях, вошедших в книгу 2015 г. «Гносеология культуры», подготовленную и опубликованную Н.И. Кузнецовой. Приведу только его оценку работы кафедры философии НГУ под руководством Борисова: «Думаю, что кафедра философии НГУ была в то время одной из самых интересных в научном плане философских кафедр страны» [1, с. 452]. В личности Борисова как руководителя он отметил научную заинтересованность и идеологическую терпимость, незашоренность, широту взглядов и интересов [1, с. 452]. В статье В.Н. Борисова «К определению метода познавательной деятельности», открывающей книгу «Проблемы методологии в научном познании» 1968 года, я выделила несколько важных для меня положений: вопрос о специфике философской методологии и ее соотношении с развивающимися специализированными методологиями [2, с. 3–4]; понимание специфики философской методологии как знания нормативного, если пользоваться актуальной терминологией, в статье этот вопрос рассмотрен как знание-описание и знание-предписание [2, с. 5, 7]; его обращение к рефлексивной оценке научной деятельности, внимание к вопросам смыслового целеполагания как неотъемлемой части философского анализа методологии науки, ее «рефлексивно-ценностной ориентации».

Пролиферация эпистемологических исследований. Философская эпистемология. История эпистемологии, как и философии в целом, знает немало разных «поворотов», инициированных революционизирующими наше понимание мира открытиями и критической оценкой философских методов решения проблем путем размышлений и аргументации. В роли «поворотных» механизмов выступали физика, биология, логический и лингвистический анализ, социология, когнитивные науки. Начиналась эпистемология как гносеология, теория познания, в том числе и прежде всего научного. Но за последние полвека вырос целый комплекс наук, как естественных, так и гуманитарных, которые также занимаются изучением сознания и познавательной деятельности человека своими методами и концептуальными средствами. Да и сама эпистемология, опираясь на полученные наукой новые данные, превращается на наших глазах в довольно специализированные области исследований. На примере только Института философии могу сказать, что за последние 20–30 лет от сектора теории познания отпочковались уже два новых — эволюционной эпистемологии и социальной эпистемологии. Если бы М.С. Розову удалось прожить дольше, возможно, возник бы и еще один сектор — эмпирической эпистемологии или «теории социальных эстафет». Сейчас назрел уже вопрос и о дальнейшем процессе дифференциации на базе осмысления изучения сознания в когнитивных науках. Такое движение от общефилософских размышлений к специально-научным исследованиям столь же закономерно, как и обратное: вычленение из специально-научных знаний философски или мировоззренчески значимого содержания. При этом возникает опасность замещения собственно философских проблем вопросами специально-научного характера. Если ранее позитивистски ориентированные эпистемологические исследования были направлены на решение общеметодологических проблем, хотя и средствами конкретных наук (логико-математический и логико-лингвистический анализ, историческая реконструкция, эволюционно-биологическая модель и др.), то теперь изменения

происходят и в самой постановке проблем, по существу в подмене их другими, специально-научными — социологическими, экономическими, психологическими, нейрофизиологическими, информационными и т. д. Но решаются ли в этих новых дисциплинах присущие философии вопросы — об истине, объективности, о природе знания, о сознании и познании, о субъективности, свободе, рациональности, понимании и интерпретации, объяснении и предсказании, о границах и пределах знания, цели и смысле научного познания и т. д. Главные проблемы эпистемологии по существу элиминируются или предельно релятивизируются. Легитимизация науки идет как бы вне сферы познания. Это может быть проектирование, конструирование, коммуникация, интерпретация и многое другое. В стороне остаются именно вопросы, образующие каркас эпистемологии как философской дисциплины, которая, в свою очередь, составляет важнейшую часть, фундамент теоретической философии. Я бы назвала это философской эпистемологией. В отличие от «специальных» эпистемологий она занимается исследованием эпистемологических норм и проблем в единстве с осмыслением их общественного и культурного смысла и значения, теоретическая ценность не лишена здесь социальной и культурной релевантности. Укажу лишь на такие ее характеристики, как критичность, целостность, историчность, поиск взаимосвязи когнитивного и культурного смыслов познания, соотнесенность эпистемологических проблем с экзистенциальными вопросами бытия человека. Необходимость вычленения из комплекса эпистемологических исследований *философской* эпистемологии обусловлена изменением роли науки в современном обществе и местом человека в наукоцентричном мире. Современная наука в форме технауки все более становится фактором антропологической эволюции человека, входит в мир человека наравне с природой, как ее равноценная и равнозначная составляющая. Это уже не «вторая природа» как идеальный мир человека и его воплощение в культуре, а сама природа, преобразованная или созданная человеческим знанием и трудом. Человек выступает теперь как субъект эволюции природы, в том числе и своей. Вопрос в том, насколько современное знание о человеке, его сознании, может удовлетворить присущую человеку потребность понимания себя и своего места в мире? Может ли знание о человеке как объекте, а иначе наука его не изучает, служить достаточной основой для его понимания себя в качестве субъекта? Для философии это означает необходимость рассмотрения человека не только в перспективе достижений современной науки, но и в контексте возникающих при этом экзистенциальных проблем, прежде всего этических. Этическое измерение — то главное, что делает человека человеком, а науку объектом собственно философской рефлексии. И в этом плане сама современная наука является одной из главных экзистенциальных проблем. Стремительное развитие технической мощи при отсутствии ясных целей и понятных координат движения человечества ставит проблематизацию человека, его самопонимания в центр современной философии. Перед философией науки и эпистемологией стоят жизненно важные, экзистенциальные проблемы, непосредственно касающиеся бытия человека, такие как превращение человека в объект научного исследования и технологического применения, лишение его субъективности, осмысление влияния на жизнь человека цифровой реальности, способов превращения субъекта в профиль, средств в цели, ценностей

в продукты и т. п. Все это свидетельствует о необходимости расширения проблемного поля эпистемологии и переосмысления ее фундаментальных понятий в свете учета человеческой субъективности.

Эпистемология и этика. Нормативно-методологический анализ науки, сыгравший существенную роль в становлении научного типа мышления, шире — в утверждении научной рациональности как культурной ценности, в современной ситуации уже не может рассматриваться как исчерпывающий. Происходящие изменения роли науки в жизни общества, сайентификация образа жизни современного человека, его включение как элемента в формируемую технаукой техносферу, включение человека в качестве объекта исследования в комплекс новых наук и появление возможностей радикальных преобразований природы, в том числе природы человека и его сознания, все это актуализирует вопросы аксиологии и нравственности, и эпистемология не может уже оставаться от них изолированной. В современных условиях, когда технизированная наука превратилась в саморазвивающийся объект, способный определять и подчинять себе другие аспекты жизни общества, вопросы доверия знанию (проблема истины) и согласования этого процесса с интересами общества и человека (этические аспекты эпистемологии, экзистенциальные проблемы) становятся первостепенными.

Философская эпистемология образует двунаправленный процесс. Ее внутренняя цель — выявление путем критической рефлексии воздействующих на познание вненаучных факторов и выработка способов защиты от них или их использование с помощью научных норм и методов (яркие образцы такой критики познания представлены в трудах Бэкона и Декарта, а еще ранее у скептиков и софистов). Другое направление рефлексии — поиск смысла эпистемологических норм и принципов в контексте целостной человеческой деятельности, т. е. выяснение обратного воздействия эпистемологии на мораль, социальное сознание и поведение. Ведь в конечном счете все революции в познании и науке — это не только когнитивные, но и духовные события. Так, первая революция в познании — переход от мифологического сознания к рационализму — наверное, самая важная для современной цивилизации революция духа. Аверинцев определил ее как переход от «мышления в мире» к «мышлению о мире» [3]. Такие события невозможно понять, если их рассматривать только как познавательные или только как духовные или социальные.

Наука преобразовывает не только материальную деятельность человека, снабжая ее новыми технологиями, она изменяет сознание, мировоззрение, нормы взаимодействия людей с природой и друг с другом. Так, наука Нового времени посредством сформировавшейся на ее основе философии науки существенно изменила сознание общества, распространив дух антидогматизма, критицизма, внимание к реальности вместо опоры на мифы. Отметим здесь интересную ситуацию: наука утверждает и защищает ценностную нейтральность знания, отгораживаясь от религиозного догматизма Средневековья и мифологического сознания Древнего мира, и в то же время внедряет в общественное сознание иные, не свойственные ему ранее ценности. То есть ценностная нейтральность рационального теоретического знания в ходе своего становления производила новую ценностную же интервенцию в жизнь общества. При всей важности методологического разделения фактов и ценностей,

на более глубоком уровне понимания они обнаруживают неразрывную связь и взаимозависимость. Это означает нераздельность гносеологии и этики, вопросов о сущем (каков мир?) и о должном (каким он должен быть?).

Для философского понятия рациональности первостепенным является вопрос о человеческом содержании научных знаний, в чем их значение для людей с их жизненными интересами, потребностями, целями, мечтами? Позитивные знания о фактах обретают дополнительные смыслы благодаря их синтезу со знанием гуманитарным. Такое единение, конечно, идеал, но, как и всякий идеал, он указывает направление наших усилий. Такое осмысление науки в единстве когнитивного и этического, понимание укорененности науки в системе гуманистического мировоззрения возникает уже в трудах провозвестников науки Нового времени. Истина как цель науки и Благо как высшая ценность еще сохраняют у них свое единство. Познавательным усилиям и страсти к исследованию придавалось не только когнитивное, но и нравственное значение. Иначе говоря, познание рассматривалось и как нравственное деяние. Гуманизм, рациональность и критицизм не противостояли друг другу. Все эти «плоды Просвещения» не потеряли своей ценности для нас, хотя предложенный ими идеал науки, особенно в его единстве с идеями гуманизма, сейчас кажется еще менее достижимым, чем тогда.

Бэкон и Лейбниц — гуманистический и технократический взгляд на науку. Единство эпистемологии и этики отличает рациональность *гуманистическую* от технократической. И истоки современного разрыва мы также можем увидеть в истории философского осмысления науки у двух великих мыслителей — Бэкона и Лейбница. В современном контексте и терминологии я бы сказала так: Лейбниц был защитником теоретической науки, а Бэкон — технонауки. На первый взгляд, у них много общего: оба восхищались новой экспериментальной наукой, стремились поставить ее на твердый методологический фундамент, вырабатывали для этого каждый свой новый органон, оба говорили о пользе науки для общего блага и для освобождения человека. Однако Бэкон видел в науке прежде всего производительную, техническую силу, увеличивающую могущество человека для преобразования природы в соответствии со своими потребностями. Он одним из первых стал рассматривать науку и знание в целом не как ценность культуры, но прежде всего как средство, как силу, власть (пока еще не политическую, а техническую, покоряющую природу). Ценность знания отождествлялась с его производительной мощностью и пользой, а смысл научной деятельности состоял в изобретении средств для практических целей. Лейбниц, напротив, ценил в знании внутреннюю, духовную ценность, его самоценность как проявление силы интеллекта и пути совершенствования человека. Цель науки он видел в удовлетворении познавательного интереса, в получении нового знания, а смысл научной деятельности — в просвещении, обогащении человеческого ума, в создании целостной картины мира и человека как его части. Поэтому, в отличие от Бэкона, он стремился не столько к очищению от прежних знаний, сколько к сохранению всех достижений человеческой мысли, стремился найти место в своей системе всему лучшему, что произвел человеческий ум. И что особенно важно, хотя оба они сопрягали знание с человеческой свободой, но Бэкон — со свободой от внешних природных ограничений, Лейбниц — со свободой духа как пути к саморазвитию.

Свобода в системе бэконовского материально-практического образа науки — господство над вещами, а в гуманистической перспективе Лейбница — вещи больше не господствуют над нами. И несмотря на то, что Лейбниц своими научными достижениями продемонстрировал преимущество своего понимания целей науки, в отличие от научной несостоятельности Бэкона, так и не достигшего значимых научных результатов, пока побеждает бэконовская модель, к тому же существенно обедненная и искаженная потребительским сознанием, не ведомым в его время Бэкону. Нашим технократически мыслящим современникам, определяющим научную политику, хочется напомнить сказанное провозвестником технонауки Бэконом: «Богатства следует тратить для того, чтобы приобретать знания, а не употреблять знания на то, чтобы приобретать богатства» [4, с. 102]. По проторенному Бэконом пути, игнорируя его предупреждения и ограничения, стала развиваться наша цивилизация. А защищаемое Лейбницем движение мысли от утилитарного, материально-прагматического к осмыслению мира в его истине и целостности и о месте человека в этом мире как его устроителя и охранителя не получает поддержки тех, от кого зависит определение направления развития науки. В наши дни гуманистический образ науки вырожден в триумф формально-технической рациональности. Движимая целью саморазвития, техническая рациональность не только не в состоянии создать новые гуманистические ценности, но и парализует проявления разумной человечности. Из науки оказывается выхолощен ее гуманистический смысл. Итог развития по пути «техногенной» линии подвел В.А. Лекторский словами о том, что «традиционное для всей европейской культуры, начиная с античности, понимание знания, прежде всего научного, как одной из величайших человеческих ценностей, как того, что освобождает человека и делает возможным создание гуманных социальных отношений и гармоничных отношений человека с природой, исчезает. Наука начинает рассматриваться как способ извлечения прибыли» [5, с. 29].

И все же неверно винить только науку в кризисе современной техногенной цивилизации. Диалектика движения от социокультурной обусловленности знания обратно к эпистемической детерминации социума состоит не только в средствах производства, но и в создании стиля жизни, новых потребностей и новых возможностей человека и общества. Наука поставляет обществу не только знания и технологии, но и ценности социальные и этические, прежде всего, такие как свобода, истина, рациональность. Эти темы и составляют предмет этически ориентированной философской эпистемологии.

Такая ориентация была реализована в русской философии в контексте концепции цельного знания. Сейчас эти мысли уже не кажутся слишком умозрительными, напротив, они стали актуальны именно для современности. Так, например, А.А. Ухтомский, великий физиолог, князь и академик, был сторонником цельного знания и считал, что «главнейшим физиологическим органом познания — предвидения является совесть. Этот конкретнейший аппарат цельного знания, который руководит нами обыденно и в мелочах, и в крупном» [6, с. 154]. Понятия истины и разума рассматриваются им в единстве с такими моральными категориями, как любовь и совесть. А другой князь, философ С.Н. Трубецкой источник единства познания и этики, сознания теоретического и нравственного видел в самой природе человеческого знания,

в его несовершенстве. В работе «О природе человеческого сознания» он писал: «В самой действительности нашего теоретического сознания, в самом его несовершенстве и лжи уже заключается, таким образом, этическая задача; самый разум должен пробуждать в нас совесть, теоретическое сознание — нравственное» [7, с. 590]. К подобным мыслям пришли и наши современники. Много размышлявший и писавший о науке академик Н.Н. Моисеев пришел к такому выводу: «Сегодня жизнь ставит нас перед новыми трудностями, требует иного поведения, изменения многих традиций, а может быть, и нравственных начал. И, естественно, возникают вопросы — какие новые нравственные принципы должно обрести человечество, как оно должно перестроить свой духовный мир, чтобы иметь шансы сохранить себя на Земле? С этих позиций я стал читать Священное Писание и другие аналогичные сочинения: может быть, нужные идеи уже высказаны и просто не получили необходимой интерпретации? И убедился, что это действительно так!» [8, с. 136]. И закончу цитатой из «Града обреченного» братьев Стругацких: «Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит — вхолостую». По-моему, лучше уже не скажешь.

Список литературы

1. Розов М.А. Гносеология культуры. Москва, Новый хронограф, 2015. 574 с.
2. Проблемы методологии научного познания: сборник статей / под ред. В.Н. Борисова. Новосибирск, 1968. 178 с.
3. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы. В кн.: Человек в системе наук. Москва, 1989. С. 332–342.
4. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. В кн.: Ф. Бэкон. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1971. Т. 1. С. 85–546.
5. Лекторский В.А. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 20–56.
6. Ухтомский А.А. Дневники // Человек. 2000. № 5. С. 153–170.
7. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания. В кн.: Трубецкой С.Н. Сочинения. Москва: Мысль, 1994. 816 с.
8. Моисеев Н.Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131–139.

References

1. Rozov MA. *Gnoseology of culture*. Moscow: Novyi khronograf; 2015. 574 p. (In Russ.)
2. Problems of methodology in scientific knowledge. Sbornik statei. Ed. by V.N. Borisov. Novosibirsk; 1968. 178 p. (In Russ.)
3. Averintsev SS. Two births of European rationalism and the simplest realities of literature. In: *The person in the system of sciences*. Moscow; 1989. P. 332–342. (In Russ.)
4. Bacon F. On the dignity and multiplication of sciences. In: *F. Bacon. Works. In 2 vol*. Moscow: Mysl; 1971. Vol. 1. P. 85–546. (In Russ.)
5. Lektorsky VA. The self-Integrity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of the “round table”. *Voprosy filosofii*. 2018;(6):20–56.
6. Ukhtomsky AA. Diaries. *Chelovek*. 2000;(5):153–170. (In Russ.)
7. Trubetskoy SN. On the nature of human consciousness. In: *Trubetskoy SN. Works*. Moscow: Mysl; 1994. 816 p. (In Russ.)
8. Moiseev NN. Morality and the phenomenon of evolution. Environmental imperativ and ethics of the XXI century. *Social sciences and modernity*. 1994;(6):131–139. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена Леонидовна ЧЕРТКОВА — кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8272-0936. **E-mail:** eleon2005@yandex.ru

Information about the author

Elena L. CHERTKOVA — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; eLibrary SPIN: 8272-0936.
E-mail: eleon2005@yandex.ru